

СКОРО ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

Часовая стрелка отлежала бок.
Скоро четверть века, повторяет Блок.
Кажется, лишь повод облачиться в текст,
Где размером с город вспыхнет манифест.

Мы доске почёта больше не нужны.
Вспоминает кто-то из другой страны,
Как с тяжёлым вздохом садит нас на клей.
Из другой эпохи слово «юбилей».

В феврале чернила доставать нельзя.
«Всё однажды было», — вторят мне друзья.
Начинай сначала, будто нет и лет.
Головой качает психотерапевт.

Если я в порыве не сказал merci,
Сберегу в архиве пыльное «прости».
И билет счастливый сохраняю впрок,
Ведь прекрасно было тем, кто так далёк.

Пишут мемуары чаты и скрины.
Мы уходим в баны, избежав войны.
Цепи, а не цели образуют путь,
И фольгою время хочет обернуть.

Мишка не виновен, мишка улетел.
Заблудились в море тел и антител.
Время нам не лекарь, время нам — курок.
Скоро четверть века, повторяет Блок.

Наши жизни — пули. Выстрел — и опять
Мы к груди прильнули, и тревожим мать.
Разливают масло, а не молоко.
Где-то там прекрасно, только далеко.

***

Бессонные ночи на кухне, я вам некрологи пишу.
Корабль, пришвартованный в бухте, — не рай своему шалашу.
Стряхнула весь нажитый пепел на город куряка-зима,
И вновь засыпающим детям поют колыбели шторма.

Теперь здесь рождается редко подобие важной строки.
Храпит пожилая соседка, за стенкой стучат молотки.
Разгаданы древние коды, нет в воздухе запаха тайн,
И мнимое место свободы давно занимает фултайм.

Но мы изменились едва ли, Гудини не каждый из нас.
Ещё не вручили медали, а только отдали приказ.
И пальцы, стучащие робко по клавиатурным станкам,
Пока ещё спящие сопки, но скоро очнётся вулкан.

Я выкину ключ от берлоги, которая тает в полях.
Лишённый поклажи тревоги, торопится в гору монах,
В часовню из белого камня, где неисчерпаемый вид...
Плетутся уставшие сани, и чайник на кухне кипит.

КОНЕЧНАЯ

Я доехал до конечной.
Мне в награду — ветер встречный,
Лёд, которым слово «вечность»
Вновь выкладывает пора.

Здесь не дни считают — годы.
География подводит.
Только звёзды из-за свода
Путь подскажут до двора.

Я найду свою калитку,
Завяжу на память нитку,
А фонарь, от ветра прыткий,
Будет радостно кивать.

Никого не будет дома,
Всё вокруг — сплошная кома.
Будто жертвою синдрома
Я забыл отца и мать.

Здесь не дни считают — годы,
Спят под снегом огороды.
Это писк последней моды —
Тишина идёт на дно.

Успокоятся метели,
Сядет снег на ветки елей,
Титры в небо улетели,
Я доснял своё кино.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ

«Сапсан», прибывающий к морю, — классический ныне побег.
В железное время в фаворе бессмертный Серебряный век.
Когда ещё дремлют каналы, луна заправляет постель,
Столовая, что у вокзала, уже принимает гостей.

Атлант, охраняющий город, к земле ненадолго приник —
Дожди из латунных жетонов в метро образуют час-пик.
Впитали ребристые крыши следы от вчерашней пурги.
Трамвай электричеством дышит, уже нарезая круги.

Врезается шпиль томагавком в нависшую серую мглу,
А солнце метнулось в Канавку, как пуганый пёс в конуру.
Следы молодого повесы веками брусчатка хранит,
И только засилье прогресса тревожит классический вид.

Закрытые на зиму боги не спят в деревянных гробах,
Весною пропахшие строки бурят вековой ледостав,
И мартовский приступ веселья настиг эрмитажных котлов,
В столицу вернулся Есенин, но только в обличье стихов.

Несётся в автобусе детском в музей на экскурсию класс,
А где-то гуляет Введенский, и жить не торопится Хармс.
Среди бесконечных потоков и их углекислых паров
В училище едет Набоков, свидания ждёт Гумилёв.

Эпох пролетело немало. Сжимается время в тиски,
Уже москвичи на вокзале и лёгкие их рюкзаки
Спешат поскорее умчаться, чтоб снова вернуться сюда,
В тот город, где мнимое счастье встречает большая вода.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПАРАД

Четыре цифры превратятся в восемь,
И некрологи в несколько абзацев
Закроют двери и проводят в гости
Поэтов, генералов и паяцев.

Прожектор накалится до предела,
Забудет текст волнительный ведущий,
На месте одинокого пробела
Останется молва на всякий случай.

Мы молоды, пока нас удивляет
Фамилия и имя в чёрной раме.
И пролетает мысль очередная,
Что кто-то будет, но уже не с нами.

И нет конца прощальному параду,
Лишь только чувства от тоски до злости.
Настанет время — и прошепчут «надо»,
Закроют двери и проводят в гости.

СТОП-КРАН

В консервной банке, полной тишины,
Мы едем через поле в полстраны,
И тихо бьётся ложка о стакан,
И там, за дверью прячется стоп-кран.

Стихает предсказуемый пассат,
И капает последний конденсат
На лица тех, кому приходят сны,
Где все пьяны навечно и юны.

Но план уже в сознание проник.
Уснул в своей каморке проводник,
А кто-то машет красною рукой
И разрушает призрачный покой.

Нога ступает в мягкую траву,
И светит месяц точно наяву.
А поезд — будто не было его,
И новое настало Рождество.

Пройду по рельсам не одну версту,
В глазах запечатлею красоту.
А вдалеке — лишь поля океан.
Когда устанешь — дёрни свой стоп-кран.